

• **Любовный бестселлер** •

Роман

Если любишь —
не сдавайся!

Антония
Миронина

Свадебное
платье мисс
Лолита

МОСКВА
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М64

Художественное оформление серии
Г. Булгаковой

Разработка серийного оформления
А. Кудрявцева

Миронина, Наталия.
М64 Свадебное платье мисс Холмс : [роман] /
Наталия Миронина. — Москва : Издательст-
во «Э», 2017. — 384 с. — (Любовный бестселлер).

ISBN 978-5-699-95807-8

Старшая сестра Анастасия положила свою жизнь на то, чтобы осуществить мечту младшей, Лиды: открыть свой дом моделей. Зарабатывая всеми возможными способами, она оказывается в одном странном месте. Запертая в четырех стенах, за неплохие деньги Настя сочиняет какие-то тексты... И однажды узнает, что один из них стал самой популярной книгой сезона! Попытки связаться с автором, указанным на обложке, ни к чему не приводят. Продолжая свое расследование и одновременно занимаясь подготовкой к Неделе моды, где непременно должна блеснуть Лидина коллекция одежды, Настя знакомится с мужчиной, который может иметь к разгадке истории с книгой хоть какое-то отношение...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-95807-8

© Миронина Н., 2017
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

Пролог

Я сидела в первом ряду и пыталась вспомнить, сколько метров этот самый чертов «язык», этот узкий помост, по которому наматывают километры манекенщицы. Я пыталась вычислить, сколько раз прошли по нему наши модели, высокие худые девушки в этих своих клетчатых юбках и брюках, прежде чем попали сюда, в старинный парижский дворец. Я знала, что все равно сойду со счета, все равно не припомню, все равно это прошлое сольется у меня в один длинный промежуток времени, за который мы пережили столько хорошего и плохого. Я понимала, что эта неожиданная сиюминутная страсть к цифрам и точности просто способ отвлечься, не дать себе пустить слезу от умиления и восторга. Сентиментальность, совсем мне несвойственная, накрыла меня именно сейчас, когда сестра вышла в окружении моделей, чтобы принять свою часть успеха. Она ее заслужила, отработала, отжила. Я отлично понимала, что сестра сейчас не видит зал, не видит людей, вставших поприветствовать ее. Скорее всего она видит нас тех, давних, совсем еще юных, преодолевавших преграды и поставивших на карту все, что у нас было. Скорее всего она вспоминала то прошлое, которое воспитало нас, сделало сильными и привело к успеху.

Глава 1

Маленькое синее платье

Вообще-то ничего удивительного в нашем выборе не было. Недаром говорят, что жизнь сама продиктует все — только успевай записывать за ней. Лида в определенном смысле была невезучая — она была моей младшей сестрой и донашивала всю одежду, из которой я выросла. Обновки покупать нам обеим семье было не по карману. Впрочем, нашей семье порой и молоко не по карману было купить. Фраза: «Девчонки, макароны разогреете, банку с огурцами откроете!» — звучала часто. Наш маленький городок, расположенный чуть в стороне от трассы Москва—Питер, был обречен на макароны с солеными огурцами. Производство химической добавки к моющим средствам было прекращено, заводик умер, население города разбежалось в прямом смысле слова. Остались малые, старые да пьяные. Наши родители относились к категории старых и пьяных. Их знал весь город — хмельные драки, беготня по улице друг за другом с угрозами, вечные долги — все это была семья Боярцевых. Но, вспоминая прошлое, я даже и помыслить не могла о претензиях к ним, нашим несчастным родителям. Они оказались слабыми, а жизнь в наших местах ужасала своей серостью, грязью и никчемностью. И это было еще более заметно, поскольку совсем рядом нахо-

дились два города, достаточно богатых и с большими возможностями. Путешествуя на автомобиле из одного города в другой, путник брезгливо удивлялся не пустым или заколоченным магазинам, а грязным заборам, облупившимся фасадам и раздолбанным дорогам. Впрочем, этому удивлялись и мы, жители этих городов, но привести все это в порядок было выше наших сил. Казалось, жизнь уже здесь никогда не восстановится, а потому и нечего время терять. Гораздо выгоднее сбегать. Одна я уехать не могла. Сестра Лида была моим ребенком, поскольку у родителей, считай, нас уже не было. Они существовали в своем мире, который был населен либо прекраснодушными людьми, либо исчадиями ада и врагами. Все зависело от того, сколько родители выпили за день.

— А как мы будем жить? Там, в Москве? — Сестра волновалась и бесконечно перешивала старые тряпки. Ходить было не в чем в буквальном смысле слова.

— Главное — уехать! Все остальное — приложится. Будем вместе. Ты поступишь в училище. Научишься профессионально шить. Я пойду работать.

— А учиться?

— Некогда. Учиться будешь ты.

— Но чтобы устроиться на работу, надо что-то уметь. Что ты умеешь?

— Многое. Мыть посуду, убирать, готовить, сажать капусту, солить огурцы, читать с выражением...

Я пыталась шутить, но сестра была права. Получать хоть какие-нибудь приличные деньги мож-

но было за квалифицированный труд. Я же действительно ничего особенного делать не умела. И к тому же в отличие от моей сестры мое хобби никак не могло принести мне доход. Я любила читать и читала абсолютно все, что попадалось под руку. Книги — единственное, что осталось у нас в доме с благополучных времен. И как ни странно, мать с отцом не пытались их продавать. Иногда, впрочем, я замечала прорехи на полках, но догадывалась, что это не родители взяли книги, а кто-то из их знакомых. Естественно, книги тащили, чтобы продать, а не для того, чтобы читать.

— И куда ты с таким умением — просто читать? И с одиннадцатью классами? — не отставала Лида от меня. И в этих вопросах я слышала беспокойство не только за меня, но и за наше общее будущее.

— Куда угодно. — Я прекращала разговор, но ночью мучилась от вопросов. Заколдованный круг бедности и отсутствие возможностей доводили меня до иступления. Надо было хотя бы выучить сестру. Я отвечала за нее. Общим нам учиться было невозможно. И нужны были деньги — а их без нормальной работы не получишь. На отъезд в Москву тоже нужны были деньги, как и на то, чтобы снять там квартиру. А скопить их почти не получалось. Повторяя классическую фразу: «В Москву, в Москву!», я засыпала лишь под утро, стараясь не прислушиваться к шуму на кухне, где обычно выпивали родители.

Вспоминая сейчас те дни, я удивляюсь лишь тому, что перемены меня пугали гораздо меньше, чем их отсутствие. А еще я почему-то была уверена в себе, в своих силах, несмотря на то, что не

имела каких-то серьезных навыков или талантов. Одним словом, мне казалось, что Москва обязательно полюбит несчастных сестер — почти сирот.

Уехали мы гораздо раньше, чем планировали. Это был июнь, канун выпускного вечера у Лиды в школе. Школа была маленькая, всего один класс, но вечер устраивали пышный — с большим ужином, танцами, поздравлениями.

— Представляю, в чем все придут! — Лида о своем выпускном платье начала волноваться за три месяца.

— В чем?

— Ну, узкая юбка, декольте, ажурные колготки. Бордель, одним словом.

— А ты в чем пойдешь?

— Я в платье. В красивом и строгом. Но дорогом.

Я тогда промолчала, подумав, что хоть мать и пообещала Лиде помочь с деньгами перед выпускным, но сестра была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, что верить родительскому слову нельзя, и прилив материнских чувств мог означать только одно — изрядное количество выпитой водки.

— Ты не поняла, — Лида заметила сомнение на моем лице, — я сошью себе платье. Такое, какого ни у кого здесь нет и не будет.

— Из чего шить будешь? Надо съездить ткань купить.

— Нет, я переделаю школьный сарафан. Там тонкая хорошая шерсть. Носила я аккуратно...

— Но это же будет заметно.

— Нет, не будет, вот увидишь. — Сестра уже что-то рисовала на бумаге.

Я всегда завидовала тем, кто из лоскутов и клубков ниток умеет сделать одежду. Кажется, что все эти линии, точки, пересечения, углы и окружности никогда не будут иметь никакого отношения к твоей фигуре. Ан, нет! Ножницы, мелок, прохладный портняжный метр, стук машинки — и вот уже Лида колдовала самозабвенно, она не видела ничего, и эта погруженность, эта увлеченность меня радовала — сестра убегала от нашей запущенной жизни, она сама себе придумывала и творила красоту.

Каждый вечер мы закрывались в своей комнате. Я устраивалась с книгой, Лида за швейной машинкой, и так, перебрасываясь изредка словами, мы готовились к выпускному и... к отъезду. В эти вечера мы не боялись мечтать и фантазировать. Я доставала карту Москвы и, водя пальцем по линиям улиц, говорила Лиде:

— В центре снять квартиру дорого. Я узнавала. Мне, конечно, здесь нравится, — я указывала на какой-нибудь район, — но, далековато. Все равно, придется жить на окраине. Но зато воздух, зелень. Надо только выбрать нужную станцию метро — чтобы тебе удобно было ездить в училище.

— Ты, Настя, странная! — Сестра делала наметку маленькими стежками. — Ты думаешь, так легко поступить?!

— Ты поступишь. Ты не имеешь права не поступить. И тебя не имеют права не принять. У тебя почти отличный аттестат. Ты прекрасно шьешь.

Так проходили дни. И вот наконец наступил канун выпускного вечера. Лида действительно сшила чудо. В этом классическом, почти строгом,

недлинном и узком темно-синем платье с отделкой из синего гипюра она смотрелась и нарядно, и элегантно. И не было ничего пошлого, не было вычурного, не было ничего, что бы делало ее старше. Это синее платье, как нельзя лучше подходило к ее синим глазам, светлым волосам и бледной коже. В нем Лида выглядела утонченной и изящной.

— Здорово, Лидка! Ты точно поступишь, даже не сомневайся!

— Поступлю и буду подрабатывать. Я ведь могу дома одежду ремонтировать. На подъезде повесим объявление. Как ты думаешь?

Я ничего не думала. Я чувствовала, что надо как можно быстрее уезжать.

«Выпускной, потом надо будет съездить на экзамены вступительные, потом я «закрою» на зиму ягод и овощей, с собой в Москву возьмем, все легче будет, а потом, осенью, как раз к началу учебного года, — уедем. Навсегда!» — думала я, прекрасно понимая, что это «навсегда» не настоящее. Здесь оставались родители, жизнь которых сосредоточилась на грязной кухне среди бутылок и банок с самогоном. Я понимала, что забыть город, где выросли, дом, родителей мы не сможем, не имеем права. Хотя, глядя на худую бледную сестру, иногда сомневалась в правомерности этого чувства ответственности. Мы не могли их бросить, не могли оставить без помощи. Впрочем, думаю, наш отъезд они бы и не заметили или восприняли бы с облегчением.

И вот наступил долгожданный день. Платье, наглаженное, манящее своим темным кружевом, торжественно было повешено на дверцу гардеро-

ба. Лида отправилась к подруге делать прическу. К пяти часам она должна была быть дома, переодеться, чтобы к шести быть в школе. Пока Лида прихорашивалась, я пошла в магазин — мне хотелось вечером накрыть красиво стол, чтобы и дома хоть как-то отметить это событие.

— Дочка, ты купи что-нибудь такого, праздничного. Все-таки Лидка взрослой стала. — Отец курил на кухне. Небритый, одетый в старые спортивные брюки и несвежую майку, он выглядел как старик. Возраст добавляла худоба — я давно заметила, что у нас здесь, в городке, все пьющие были страшно худыми.

— Пап, переоденься и причешись, побрейся. Вечером будем ужинать. Надо Лиду поздравить.

— Ты не учи меня, сам знаю. Лучше матери скажи, чтобы вставала...

— Сам скажи, я в магазин.

— Так ты купишь?

Я остановилась:

— То, что ты просишь, покупать не буду. Хотя бы сегодня обойдитесь без водки. Я куплю торт, черешню и конфеты.

Отец уже меня не слушал, он встал, подошел к окну, высматривая соседей-алкоголиков. Мама по-прежнему спала, хотя на часах было уже почти три часа дня.

Магазины в нашем городишке были несуразные — темные, набитые всякой всячиной. И даже если эта «всячина» была качественной, внешний вид прилавков заставлял усомниться в этом. А еще в наших магазинах был запах — запах лежалых товаров. Старого хлеба, сыра, творога. Впрочем,

был один большой магазин, супермаркет, куда мы ходили в самых торжественных случаях и куда после школы я устроилась кассиром. Там было светло и чисто, пахло свежим хлебом. Продукты там стоили дороже, чем в других местах, а в долг не давали. Там у кассирш не было заветной тетрадки, в которую иногда записывали копеечные покупки — хлеб, молоко, картошка. В маленьких же магазинах не давали в долг только сигареты — не заплатить за «курево» считалось неприличным.

— Ты куда собралась? — За недолгую дорогу меня остановило человек пять. Все прекрасно знали, что по улице Коммунаров можно попасть только в супермаркет, но любопытство и почти родственная соседская бесцеремонность заставляла их вступить в беседу и задавать дурацкий вопрос. Я отвечала терпеливо, хотя меня и раздражали эти вопросы — с соседями нужно было дружить, их не следовало обижать, ведь их любопытство понятно — их жизнь очень бедна. Во всех смыслах.

— Торт иду покупать, у Лиды выпускной, — отвечала я.

И каждый, кто слышал мой ответ, тут же начинал вспоминать то время, когда мы с сестрой были маленькими, когда отец работал на заводе, когда мать шила нам платья. И все как один обязательно говорили:

— Как быстро время бежит! — И в этом слышалось: «Что время сделало с людьми!» В этих словах был намек на наших родителей.

Соседи вздыхали и заканчивали беседу:

— Ну, храни вас Господь!

И это в общем-то привычное деревенское пожелание меня почему-то очень успокаивало. Этих людей я знала давно, и мою семью они помнили совсем другой, и выросли мы на их глазах, а потому к этому пожеланию удачи я относилась серьезно.

В магазине меня встретили радостно:

— Ты чего пришла, ты же выходная?!

— За тортом пришла. Ну, и конфет, фруктов.

У Лиды выпускной.

— Слушай, тебе торт когда нужен? — тихо спросила меня администратор.

— Сегодня, вечером.

— Тогда бери вот этот. И денег не надо. Завтра списание будет. И срок годности истекает через два дня.

Я замялась. Было в этом что-то некрасивое — по такому случаю экономить и брать торт, который завтра выбросят на помойку. Видимо, администратор заметила сомнение на моем лице, вздохнув, она спросила:

— Ну вот что придумываешь?! А если бы он на прилавке стоял, в кассе ты бы его пробила, а срок годности все равно бы истекал? Это что-то бы меняло?

— Не знаю, но как-то...

— Никак. Торт отличный. Бери и перестань выпендриваться. Это — жизнь! И в ней надо уметь выкручиваться. Кстати, а вот черешню брать вообще нельзя — она червивая, завтра поставщику отошлю. Возьми бананы.

— Спасибо, я так и сделаю...

— Если хочешь, завтра не выходи, побудь дома, я найду замену. — Администратор уже бе-

жала к служебному входу встречать машину с товаром.

Торт был огромный. Если бы я его покупала, то уже ничего другого купить не смогла бы — мы жили в жесточайшем режиме экономии, все деньги откладывались «на Москву».

Встретились мы по дороге домой. Моя сестра шла словно несла на голове кувшин с водой. Ее длинные волосы были зачесаны наверх в красивой прическе и закреплены на макушке. И сразу стала очевидной миловидность лица, нежность кожи и яркость румянца. «Она такая красивая у нас!» — подумала я.

— Ну как? — Лида гордо кивнула головой-башней.

— Великолепно. К твоему почти строгому платью очень пойдет.

— Так было задумано! — Лида гордо улыбнулась, и мы вошли в подъезд.

— А, вот и дочери! — зашумел отец, выходя нам навстречу. — Ну что, в магазин сходила?

— Сходила, сходила. — Я аккуратно поставила огромную коробку с тортом на стол. — Вы на кухне разберите.

— погоди, успеешь... — отец опять скрылся.

Я заглянула в кухню — оказывается, они уже пили. И мать, и отец на столе, на клеенке разложили какую-то нарезку и наливали что-то из большой нарядной бутылки.

— Ну, что вы за люди! Неужели не могли подождать? — Я постаралась говорить тихо, чтобы не слышала Лида. Но отец уже изрядно выпил, а потому прокричал: